

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343

EDN: C1N1HP

doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-3-4

ИМПЛЕМЕНТИРОВАННЫЕ ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНОМИИ

Дмитрий Анатольевич Липинский¹, Александр Васильевич Малько²,
Александр Александрович Иванов³, Роман Сергеевич Маркунин⁴

^{1, 2, 3, 4}Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹dmitri8@yandex.ru

²alex25-58@mail.ru

³ale_iv@mail.ru

⁴markunin88@yahoo.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Активное использование имплементированных правовых конструкций в значительной степени отличает Уголовный кодекс 1996 г., подобный подход может рассматриваться в качестве фактора усиления юридической аномии в российском обществе. Цель исследования – рассмотрение уголовного законодательства Российской Федерации на предмет наличия в нем заимствованных из зарубежного и международного права юридических конструкций, их оценка в качестве фактора усиления юридической аномии в российском обществе. *Материалы и методы.* Реализация поставленной цели достигнута путем анализа норм национального и международного уголовного законодательства, научных трудов по исследуемой теме. Используются сравнительно-правовой, формально-юридический, системный методы познания. *Результаты.* На примере отдельных положений как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса РФ отмечается наличие самобытного характера у отечественного уголовного закона, обладающего как собственными историческими традициями, так и сложившейся за десятилетия практикой его реализации. Анализ отдельных составов преступлений в сфере противодействия коррупции, терроризму, посягающих на международный мир и порядок, и некоторых других позволяет говорить о значительном отличии практики отечественного нормотворчества от существующих международных стандартов. В ряде случаев вносимые в уголовный закон изменения не отвечали как потребностям общественной жизни, так и складывающейся общественно-политической ситуации. Законодательные реформы могут обуславливаться внешними причинами, заключающимися в попытке гармонизации законодательства и укрепления международных отношений с зарубежными, прежде всего с западными, государствами. *Выводы.* В историческом разрезе показано, что существование имплементации способно оказать как позитивное, так и негативное воздействие на практику отечественного правоприменения. Обосновано, что наличие практики неоправданной имплементации существующих международных и зарубежных стандартов несет опасность для эффективности уголовного закона, это проявляется в усилении состояния юридической аномии, затрагивающей как адресатов уголовно-правовых норм, так и должностных лиц, применяющих меры уголовного воздействия.

Ключевые слова: имплементация, международное право, правовые конструкции, состав преступления, уголовное право, юридическая аномия

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Для цитирования: Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. Имплементированные правовые конструкции в уголовном праве России как фактор усиления юридической аномии // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 3. С. 33–47. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-3-4 EDN: C1N1HP

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

IMPLEMENTED LEGAL FRAMEWORKS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW AS A FACTOR OF STRENGTHENING LEGAL ANOMIE

Dmitry A. Lipinsky¹, Aleksandr V. Malko², Aleksandr A. Ivanov³, Roman S. Markunin⁴

^{1, 2, 3, 4}Togliatti State University, Togliatti, Russia

¹dmitri8@yandex.ru

²alex25-58@mail.ru

³ale_iv@mail.ru

⁴markunin88@yahoo.com

Abstract. *Background.* The active use of implemented legal frameworks is largely distinguished by the Criminal Code of the Russian Federation of 1996; such an approach can be considered as a factor of strengthening legal anomie in Russian society. The goal of the study is to examine the criminal legislation of the Russian Federation for the presence of legal frameworks borrowed from foreign and international law, their assessment as a factor of strengthening legal anomie in Russian society. *Materials and methods.* This goal is achieved through analyzing the norms of national and international criminal law, scientific papers on the topic under study. The comparative-legal, formal-legal, systemic methods of cognition are applied. *Results.* Using the example of certain provisions of both the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, the presence of an original character in national criminal law, which has both its own historical traditions and practice of its implementation that has developed over decades, is noted. The analysis of certain elements of crimes in the field of combating corruption and fighting terrorism, encroaching on international peace and order, and some other crimes suggests a significant difference in the practice of national rulemaking from the existing international standards. In some cases, the amendments made to criminal law did not meet both the needs of society and the current social and political situation. The legislative reforms may be caused by external reasons, which consist in an attempt to harmonize legislation and to strengthen international relations with foreign, primarily Western, states. *Conclusions.* In the historical context, it is shown that the existence of implementation can have both a positive and negative impact on the practice of national law enforcement. The study proves that the practice of unjustified implementation of the existing international and foreign standards poses a danger to the effectiveness of criminal law, which manifests in strengthening the state of legal anomie affecting both the subjects of criminal law norms and officials applying the criminal measures.

Keywords: implementation, international law, legal frameworks, corpus delicti, criminal law, legal anomie

Financing: the reported study was funded by Russian Science Foundation, project No 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

For citation: Lipinsky D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. Implemented legal frameworks in Russian criminal law as a factor of strengthening legal anomie. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2023;11(3):33–47. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-3-4

Понятию «имплементация» даются различные трактовки в правовой науке. В литературе неоднократно отмечалось, что термин «имплементация» имеет множество смежных понятий [1] (отсылка, инкорпорация, трансформация, рецепция, преобразование и др.), что способствует значительной неопределенности. В юридической литературе нет единого мнения

относительно сущности каждого из названных способов имплементации, нередко один из них подменяется другим [2]. Может имплементация рассматриваться и в качестве синонима термина «реализация», предполагая воплощение соответствующих норм в практической деятельности. С. В. Черниченко считает, что термин «имплементация» должен быть использован для обозначения воздействия норм международного права на внутригосударственные отношения через внутригосударственное право [3, с. 102].

Как пишет Р. В. Авдеев, проявляющуюся на стадиях правотворчества и правоприменения взаимосвязь международного и национального права логично раскрыть именно в рамках взаимодействия, а не соотношения. Взаимодействие здесь носит взаимообусловленный характер, показывает, как то, что национальное право с трудом функционирует без соответствующего комплекса международно-правовых предписаний, так и то, что реализация положений международного права не может быть осуществлена без соответствующей национальной правотворческой деятельности [4]. В целом криминализация на национальном уровне международных преступлений вносит значительный вклад в борьбу с безнаказанностью лиц, обвиняемых в их совершении [5].

Имея английское происхождение («implementation» – осуществление, выполнение), это понятие может применяться в качестве обозначения способа законотворческой юридической техники, выражающегося в создании или изменении нормы национального законодательства во исполнение норм, принятых на международном уровне. При более широком подходе в понятие имплементации включают также и сопутствующий правотворчеству комплекс мер организационного характера, обеспечивающих непосредственную реализацию норм международного уголовного права.

М. М. Каримов пишет, что термин «имплементация» может применяться как в широком, так и в узком смысле, причем для его раскрытия в широком значении следует использовать такие понятия, как гармонизация, собственно имплементация, применение, адаптация, унификация, трансформация, рецепция, инкорпорация, легитимация, аппроксимация и т.п. [6, с. 162]. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, имплементация международного уголовного права в УК РФ может совершаться посредством инкорпорации, трансформации и отсылки [7, с. 43]. Под инкорпорацией понимается практически буквальное перенесение международно-правовой нормы во внутреннее право. Однако и в этом случае механизмы имплементации несвободны от проявления правотворческой деятельности, поскольку санкция за совершенное деяние, как правило, определяется самим национальным законодателем. При трансформации нормы международного уголовного права при ее включении в национальную правовую систему расширяется или сужается объем правового регулирования. Третий способ имплементации – отсылка к соответствующим положениям международного права. Она является необходимой, поскольку в российской системе права положения международного акта обычно не имеют прямого действия и должны быть хотя бы и таким образом, но воплощены (имплементированы) в национальном уголовном законе.

Как пишет по этому поводу А. Е. Сунцов, положения международных актов могут рассматриваться в качестве источника российского уголовного права в случаях, если учет их положений был осуществлен законодателем при создании или изменении национального уголовного закона (источник в материальном смысле). Однако возможна также и ситуация, когда ратифицированный и официально опубликованный международный акт будет применяться дополнительно к статьям уголовного законодательства России (источник в формальном смысле) [8].

Результативность и эффективность процесса имплементации норм международного уголовного права зависит не только от формального установления примата международных правовых актов в рамках правовой системы, но и от учета особенностей уголовно-правовой системы государства и должной регламентации нормативной и организационной составляющих механизма национально-правовой имплементации, прежде всего, на базе конституционного и уголовного законодательства [9]. С подобной точкой зрения согласна Е. Н. Субботина, считающая, что при конструировании модели имплементации норм международного уголовного

права необходимо учитывать наличие в соответствующем механизме как организационной, так и нормативной составляющих [10].

Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, например, в сфере обеспечения антинаркотической безопасности или противодействия терроризму, не могут применяться судами непосредственно. Такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом. В качестве примера можно указать на Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 г., Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.¹ Полноправными источниками такие международные акты становятся лишь в результате их имплементации в национальное законодательство. Это связано с установлением наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом. Силу источников прямого действия такие акты не приобретают [11]. Так, предписания международных актов обязывают государства принять все необходимые меры по криминализации коррупции. Однако, обязывая государство криминализировать те или иные действия, международно-правовой акт также не запрещает признавать наказуемыми и такие преступные деяния, которые не названы в нем, либо существенно расширить круг признаков, образующих состав преступного деяния [12]. По мнению О. С. Капинуса, выделяется непосредственный и опосредованный способ применения таких норм. Если международная уголовная норма устанавливает уголовную ответственность, то ее непосредственное применение исключено [13, с. 50].

Перелом исторических эпох, экономический и социальный кризис, частичная утрата национальной самоидентификации – все эти обстоятельства способствуют и провоцируют использование как международного, так и зарубежного юридического опыта в процессе пореформенного правотворчества. Процессы соответствующего заимствования могут быть вызваны и объективной необходимостью развития уголовно-правовых норм, обусловленной соответствующими изменениями социальных отношений, а также переходом к новой общественно-экономической формации. Естественно, что в создавшихся условиях некоторые из разработчиков Уголовного кодекса РФ испытывали соблазн использовать «готовые» зарубежные конструкции при формировании текста нового уголовного закона. Попытки войти в мировое (по преимуществу западное) сообщество происходили на основе положений действующих международных конвенций при формировании текста нового уголовного закона. Данное обстоятельство в значительной степени отличает Уголовный кодекс 1996 г. от действовавших в различные периоды трех Уголовных кодексов РСФСР. В определенной степени это может быть объяснено стремлением законодателя к юридической глобализации. До недавнего времени в развитии законодательства отчетливо усматривалось международно-правовое воздействие на общественные отношения, которые ранее традиционно рассматривались как сфера суверенного внутригосударственного правового регулирования.

В зарубежной литературе идеалистически отмечается, что в результате глобализации участники международного процесса в совокупности объединяющих их правовых культур должны образовать некую единую правовую культуру [14]. Однако в действительности правовая глобализация испытывает определенного рода трудности в формировании «транснационального права» [15]. Так, существуют противоречия между транснациональными нормами: во-первых, они должны быть достаточно универсальными, чтобы получить поддержку государств, и, во-вторых, не должны возлагать слишком жесткие правовые требования, которые трудно включить в различные национальные системы уголовной юстиции [16]. При этом в литературе указывается, что международные нормы не формируются сами по себе. Часто они представляют собой воплощение на международном уровне положений соответствующего

¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003 г. № 12, декабрь.

национального законодательства [17]. В европейской научной мысли существуют позиции о том, что «современная европейская модель достигла уровня абстракции, необходимого для того, чтобы навязывать себя в качестве универсального стандарта и колонизировать политические процессы периферийных стран, криминализируя некоторые традиционные практики, однако не будучи в состоянии их подавить. Такой опыт раскрывает применение евроцентризма в понимании реальности» [18]. Сложно, однако, согласиться с существующим в международном экспертном сообществе мнением, что если в настоящее время многие страны далеки от воплощения европейского стандарта или стандартов и норм ООН в национальном законодательстве, то они, следовательно, далеки и от наличия эффективного уголовно-правового механизма в сфере противодействия конкретным видам преступности [19].

Российский опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права оказывают значительное воздействие на развитие национального законодательства, в том числе и уголовного. При этом исторически Россия, особенно в советский период, сформировала свою собственную уникальную и государственно-центричную правовую культуру [20]. Сравнение и совершенствование правовых порядков различных государств требует не только изучения их законодательства, но и понимания правовой культуры каждой страны в отдельности [21]. Правовая культура способна значительно меняться с течением времени. Так, до 1917 г. наказания без изоляции от общества преобладали в российской системе уголовных наказаний [22], а сейчас же она, напротив, часто критикуется за излишне широкое использование лишения свободы в качестве уголовного наказания.

Классической проблемой нашего государства является и высокий уровень использования такой меры уголовно-процессуального пресечения, как заключение под стражу. Однако использование того или иного уголовно-правового механизма может быть связано с соответствующей правовой культурой судей, представителей обвинения и защиты [23]. Соответствующие отличия также позволяют продемонстрировать специфику российского подхода к решению ряда уголовно-правовых вопросов [24]. Например, современная модель института языка уголовного судопроизводства заимствована из советского уголовно-процессуального законодательства и, в отличие от западного права, рассматривается не только как средство обеспечения прав личности, не владеющей языком судопроизводства, но и как способ реализации государством своей национальной политики [25]. Поэтому практика правосудия формируется как юридической, так и политической традицией и идентичностью системы, в которой они развиваются [26].

В качестве насущной проблемы может рассматриваться, например, вытекающее из ч. 1 ст. 12 УК РФ положение, ставящее возможность реализации уголовной ответственности по нормам российского национального законодательства в зависимость от наличия соответствующего решения суда иностранного государства. Возникает резонный вопрос о необходимости в настоящее время безусловного признания иностранных приговоров, а также о границах осуществления правового суверенитета Российского государства [27].

Действующий УК РФ содержит длинный перечень имплементированных составов, в который можно включить, например, «незаконное лишение свободы» (ст. 127 УК РФ), «торговлю людьми» (ст. 127.1 УК РФ), «захват заложника» (ст. 206 УК РФ), «пиратство» (ст. 227 УК РФ), «организацию незаконной миграции» (ст. 322.1 УК РФ) и др. Полностью имплементированными являются правовые конструкции, содержащиеся в Разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Многие из указанного необходимо и обусловлено изменениями криминогенной ситуации, а также развитием транснациональной организованной преступности.

Однако существует и другая сторона «медали». Так, происходящие процессы заимствования правовых конструкций, выработанных в зарубежных правовых системах, вызывают угрозу потери национальной правовой культуры в целом и национальной уголовно-правовой культуры в частности. Например, с момента вступления в силу произошло расширение перечня уголовных наказаний, во многом заимствованных из зарубежного

уголовного права. В частности, появились такие наказания, как арест, обязательные работы, увеличилось количество составов, предусматривающих в виде наказания штраф. В результате этого специалисты в области уголовного права стали называть систему наказаний бессистемной. Во многом это было обусловлено некритичным восприятием содержания положений международных актов и выполнением различных рекомендаций. Некритичный подход к имплементации способен выхолостить саму суть отечественного уголовного закона, бессознательно принижается здесь также значение разработанного и апробированного длительным периодом развития соответствующих отношений уголовно-правового механизма его реализации [28].

Институты уголовного права не возникают одномоментно и одновременно, а характеризуются длительным процессом формирования, что выступает условием адаптации отрасли к изменяющейся во времени социальной среде [29, с. 11]. Существование и развитие уголовного права в том или ином государстве, его место и функции в общественной жизни характеризуются определенной системой закономерностей и находятся под влиянием научных школ [30], которые обладают своими национальными особенностями. Например, по мнению Р. Д. Кузнецова, развитие отечественного законодательства о противодействии экстремизму оценивается как находящееся в состоянии изменения [31]. В свою очередь, И. Н. Демин пишет о том, что, несмотря на сохранение принципиального сходства уголовно-правовых систем государств СНГ, наличие единства правовых традиций, их сравнительный анализ показывает существенные отличия даже в такой фундаментальной уголовно-правовой категории, как «субъективная сторона состава преступления» [32].

С другой стороны, на практике также вполне возможны ситуации, когда национальное уголовное право не готово воспринять международно-правовой стандарт в целом ввиду отсутствия в государстве необходимых социально-экономических условий. В связи с этим следует признать допустимой только такую имплементацию, которая позволяет избежать декларативности законодательных новелл.

В связи с этим уголовное право часто описывается в литературе в качестве отрасли, наиболее ярким образом отражающей национальные особенности соответствующей юрисдикции. Например, формирование уголовного права государств Западной Европы под влиянием идей Просвещения, либерализма и прав человека привело к общей гуманизации содержания его норм, что было воспринято в том числе и российской правовой наукой. С другой стороны, восприятие уголовного закона в качестве «хартии вольностей» преступника всегда было чуждо как отечественному законодателю, так и правоприменителю, поэтому с таким большим трудом пробивали себе путь и идеи ограничения полномочий Российского государства по криминализации того или иного деяния [33].

В последние годы наблюдается тенденция введения новой терминологии в законодательную базу Российской Федерации, в том числе и в уголовное законодательство. На практике также можно выделить примеры изменения смысловой трактовки уже содержащихся в законе терминов в поправках, принятых к Уголовному кодексу РФ [34]. Вместе с этим указанные процессы необходимо оценивать также и в контексте закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»¹, в соответствии с которым государственный язык подлежит обязательному использованию в деятельности органов государственной власти.

В качестве новых терминов, введенных в Уголовный кодекс РФ в последние годы, можно выделить заимствованные из иных отраслей отечественного права, а также из неюридических наук, таких, например, как экономика. Их включение в российское уголовное право может быть обозначено как имеющее не первоначальный, а производный характер. Пользуясь заимствованной терминологией, юридическая наука, как и правоохранительная

¹ О государственном языке Российской Федерации : федер. закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2005. № 23. Ст. 2199.

практика, безусловно, вынуждена будет учитывать изменения, происходящие в иных отраслях отечественного права.

Следует отметить, что используемые в действующем Уголовном кодексе РФ термины иностранного происхождения были в значительной степени русифицированы и получили самостоятельные смысловые характеристики (ст. 194 УК РФ – «уклонение от уплаты антидемпинговых пошлин») либо имеют соответствующие пояснения посредством совместного употребления с отечественным термином. Можно привести следующие примеры: расстройство сексуального предпочтения (педофилия) (ст. 97 УК РФ); финансовая (материальная) помощь (ст. 141.1 УК РФ); присвоение авторства (плагиат) (ст. 146 УК РФ); неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) (ст. 169 УК РФ); отзыв (аннулирование) лицензии (ч. 4 ст. 170.1 УК РФ); маркировка специальными (акцизными) марками (ч. 5 ст. 171.1 УК РФ); крестьянское (фермерское) хозяйство (примечание к ст. 171.4 УК РФ); заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) (ч. 1 ст. 178 УК РФ) и др.

Весьма показательным, что необходимость в таких пояснениях наиболее часто возникала у законодателя при конструировании содержания гл. 22. «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 169-200.7 УК РФ), что может свидетельствовать о том, что изменение терминологии именно этой части уголовного закона носит наиболее кардинальный характер по сравнению с соответствующим актом советского периода, который одноименной главы в принципе не имел.

Приведем следующий пример сложностей, возникающих в результате имплементации пусть даже и необходимых, но иностранных правовых конструкций. Закон об обязательной регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act, FARA) был принят в США в 1938 г.¹ Первоначально он использовался против распространения нацистской пропаганды, а позже стал применяться против лоббирования чужих интересов. В России соответствующая практика возникла с момента внесения в законодательство изменений в 2012 г.² В современном Уголовном кодексе РФ содержится ст. 330.1 «Уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах», включенная в гл. 32 «Преступления против порядка управления».

Большое внимание на международном уровне уделяется проблеме противодействия коррупционным преступлениям. Повышение эффективности противодействия коррупции возможно в условиях рационального сочетания внутригосударственных и международных усилий, что касается и сферы антикоррупционного правотворчества. Проблемой здесь может являться то, что сама коррупция в российской традиции управления рассматривается иначе, чем в западном мире [35]. В различных источниках широко используется англоязычный по происхождению термин «международные антикоррупционные стандарты» [36], рассматривающиеся как содержащиеся в международных актах императивные предписания, выполнение которых на национальном уровне презюмируется. В антикоррупционных стандартах затрагиваются вопросы, связанные с определением понятий, юрисдикции, криминализации и пенализации.

Можно также говорить и о наличии соответствующих международных стандартов в области противодействия терроризму, экологической и компьютерной преступности и т.д. Неудивительно, что отечественный законодатель часто не успевает за законодателем международным. Например, в литературе выявлен законодательный пробел и обозначен потенциал совершенствования уголовно-правовой охраны магистральных трубопроводов. Предлагается выполнить международные обязательства [37] и имплементировать в содержание национального уголовного законодательства как положения Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на

¹ Зубов Н. Откуда взялись «иностранцы» // Коммерсантъ Власть. 2012. № 27. С. 22.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федер. закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

континентальном шельфе (1988 г.)¹, так и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода»)².

Следует отметить, что еще до Великой Отечественной войны советские правоведы начали разрабатывать проблемы уголовной ответственности за преступления против человечности. Эта работа завершилась проектом Устава Международного военного трибунала, в котором содержались общие принципы, реализованные позднее в рамках Нюрнбергского трибунала [38]. Позднее, преломившись посредством своего закрепления в международных конвенциях, соответствующие нормы были имплементированы в правовую систему современной России.

Одним из важнейших принципов международного права называется положение, в соответствии с которым все субъекты, совершившие преступление против мира и безопасности человечества, несут ответственность по международному праву. Наказуемость или отсутствие такой наказуемости с точки зрения внутреннего права не влияет на международно-правовую квалификацию соответствующих действий как преступных [39].

В уголовном законодательстве современных государств не сложилось единого подхода к нарушению международного гуманитарного права. Разделы в соответствующих кодексах могут называться как преступления «против мира и безопасности человечества», «против человечности», «против ценностей, охраняемых международным правом», «военные преступления». Перечень соответствующих преступлений на международном уровне был закреплен в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г.³, он был дополнен Уставом Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды⁴.

Так, в международном уголовном праве под военными преступлениями понимаются серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. в виде различных деяний, предусмотренных Уставами судов *ad hoc* или Римским статутом, а также иные серьезные нарушения законов или обычаев, применимых в вооруженных конфликтах как международного, так и внутригосударственного характера.

Перечни военных преступлений, предусмотренные различными источниками международного права, не ограничивают возможности государств определить иные нарушения международного гуманитарного права как военные преступления в своем национальном законодательстве. Поэтому не все военные преступления являются международными.

Сопоставление перечней военных преступлений, предусмотренных международным и национальным уголовным правом, позволяет говорить о криминализации в российском уголовном законе лишь малой части их возможных составов. В связи с этим некоторые авторы указывают на неполное исполнение Россией своих обязанностей по закреплению составов военных преступлений в национальном уголовном законодательстве [40].

Спецификой отечественного уголовного закона является то обстоятельство, что по общему правилу не только покушение, но и приготовление к тяжкому либо особо тяжкому преступлению влечет наказание. В большинстве зарубежных государств, относящихся как к континентальной, так и к англосаксонской системе права, приготовление в принципе не характеризуется уголовно-правовой наказуемостью [41]. Таким образом, даже будучи имплементированными в правовую систему России из содержания соответствующих международных

¹ Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе // United Nations. Treaty Series. 1992. P. 318–323.

² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // United Nations : website. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

³ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов АО «Кодекс» : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Международный трибунал по Руанде. Устав // United Nations : website. URL: <https://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml> (дата обращения: 20.09.2023).

конвенций, составы военных преступлений будут применяться в рамках российского правового порядка иным образом, чем это происходит в других государствах мира.

Нормы, запрещающие совершение преступлений, посягающих на мир и безопасность человечества, занимают особое место в уголовном законодательстве России. Соответствующие уголовно-правовые положения основываются на содержании конкретных международных конвенций и соглашений (жневских, гаагских или других), в которых участвует Российская Федерация. Однако перечень деяний, запрещаемых соответствующими международными актами, в значительной степени расходится с содержанием действующего уголовного закона.

Существует и процессуальная проблема. Так, история, в том числе отечественная, свидетельствует о том, что в отношении разжигателей агрессивной войны может применяться создание специальных международных судебных органов (трибуналов), включающих в свой состав представителей различных государств. Именно способ оценки деяния как международного преступления часто выглядит как более предпочтительный с точки зрения субъектов, потерпевших от таких деяний.

Существуют отличия и в области исполнения назначенного наказания. История свидетельствует как о применении смертной казни за совершение некоторых из этих преступлений, так и об отсутствии сроков давности. Полностью отказываться от применения смертной казни в отношении лиц, виновных в совершении таких деяний, как геноцид, вряд ли представляется разумным. Значимым может быть также и учет национальных подходов к конструированию текста уголовного закона и существующих традиций в науке отечественного уголовного права. Так, несмотря на то, что общая принципиальная база реализации института уголовной ответственности за совершение военных преступлений была сформулирована еще советскими правоведами, в УК РСФСР раздел, посвященный совершению международных преступлений, отсутствовал. Изложенное позволяет говорить о целесообразности принятия отдельного закона о преследовании Российской Федерацией лиц, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества, и выведении соответствующих составов из структуры Уголовного кодекса РФ.

В целом опыт восприятия положений иностранного, а после его зарождения также и международного уголовного закона в отечественной правотворческой деятельности не является новым для Российского государства. Так, в Артикуле воинском 1714 г. использовались нормы шведского, датского и австрийского военного законодательства последней трети XVI–XVII вв. [41]. Сложно полностью согласиться с мнением А. А. Коренной, в соответствии с которым длительное время в основе российского законодательства лежали именно конструкции, заимствованные из зарубежных законов [42]. В значительной своей части правовые конструкции не только Особенной, но и Общей части Уголовного кодекса РФ действительно были заимствованы за рубежом. Однако отдаленность этого процесса во времени позволяет рассматривать их как по преимуществу отечественные правовые конструкции. Так, в период разработки Устава уголовного судопроизводства 1864 г. уголовно-процессуальное понятие «потерпевший» было заимствованием в национальное законодательство более широкого по содержанию французского правового понятия [43]. Общие представления о презумпции невиновности впервые были сформулированы в Наказе Екатерины II от 10 августа 1767 г., в последующем свою формализацию получили опять же в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Столь длительное существование соответствующих правовых конструкций в структуре отечественного уголовного права превратило их в неотъемлемые части отечественных уголовно-правовых механизмов, о какой-то опасности зарубежного влияния в настоящее время здесь говорить уже не приходится.

При этом современные международные уголовно-правовые механизмы могут быть охарактеризованы как имеющие значительные, возможно, нерешаемые проблемы в аспекте их всеобщего применения. В настоящее время распространение юридической аномии в международных отношениях препятствует налаживанию необходимого взаимодействия между различными государствами в плане противостояния угрозе совершения тех или иных

преступлений. В сложившихся условиях невозможно формирование обширного перечня неких общих ценностей, охрана которых представляет настолько большую важность, что не может быть отдана на усмотрение того или иного государства. Сложно говорить и об организации общих международных органов, осуществляющих противодействие преступности. Например, юрисдикция Международного уголовного суда не распространяется в настоящее время на все государства. В тех странах, в которых его решения применяются, могут возникнуть подозрения в подрыве их суверенитета и независимости, если на другие государства юрисдикция такого органа не распространяется.

Известно, что одной из целей уголовного права является «восстановление социальной справедливости». Однако ее понимание зависит от условий существования конкретного общества и не может быть обусловлено заимствованием некоего зарубежного стандарта. При этом зарождение соответствующих общественных отношений носит естественный, объективно обусловленный характер. Они не могут возникнуть по воле законодателя или тем более в связи с заимствованием правовых конструкций за рубежом.

Таким образом, отечественное уголовное законодательство в целом характеризуется невысокой степенью использования имплементации иностранных концепций, терминов и правовых конструкций. Развитие уголовного права происходит преимущественно на основе достижений российской правовой науки. При этом на формирование содержания отечественного уголовного закона влияют обычно не нормы того или иного иностранного государства, а положения соответствующих международных конвенций и соглашений, в качестве разработчика которых часто выступала сама Российская Федерация или СССР как ее предшественник. Но имплементация в уголовном праве России все же используется, соответствующая практика может выступать в качестве источника юридической аномии в российском обществе, а опасность этого сложно переоценить. При этом влияние распространенности имплементированных уголовно-правовых конструкций на состояние юридической аномии в России можно рассматривать как значительно меньшее, чем то, которое оказывают частые и необоснованные изменения и дополнения уголовного закона, наличие в нем «неработающих» норм.

Список литературы

1. Субботина Е. Н. Механизм имплементации международного уголовного права в зарубежных странах и в России : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 213 с.
2. Некрасов В. Н. Вопросы имплементации норм международного уголовного права в УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2012. № 2. С. 109–121. EDN: [ORCQJB](#)
3. Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. М. : Международные отношения, 1993. 295 с. EDN: [XWDVIT](#)
4. Авдеев Р. В. Имплементация норм международного права в уголовное право России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 127–133. EDN: [SNJASL](#)
5. Safarov N. A., Mehtiyeva K. N., Safarov F. N. International Crimes and the Netherland's Law: Strategy of Implementation // Moscow Journal of International Law. 2018. № 2. P. 6–22. doi: [10.24833/0869-0049-2018-2-6-22](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-2-6-22) EDN: [VOCKSL](#)
6. Каримов М. М. Современные подходы к определению понятия «имплементация международно-правовых норм» // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2008. Т. 8, № 2. С. 159–162. EDN: [LHMMWZ](#)
7. Кузнецова Н. Ф. О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2004. № 4. С. 41–53.
8. Сунцов А. Е., Трунцевский Ю. В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 92–99. doi: [10.24833/0869-0049-1997-2-92-99](https://doi.org/10.24833/0869-0049-1997-2-92-99). EDN: [QAGCFM](#)
9. Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ульяновск, 2006. 234 с. EDN: [NNZMOH](#)

10. Субботина Е. Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2013. 248 с. EDN: [SURLXF](#)
11. Спиридонов А. П., Михайлова О. Г., Тарайко В. И., Третьяков И. Л. Приемы имплементации норм международного уголовного права в российское уголовное право // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3–2 (27). С. 150–158. EDN: [MBGGGS](#)
12. Мельниченко А. Б. Вопросы имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство // Философия права. 2008. № 3 (28). С. 30–34. EDN: [NBMWSN](#)
13. Капинус О. С. Актуальные проблемы уголовного права. М. : Проспект, 2017. 488 с.
14. Lorenz N.-L. A. A Summary: Portraying the Legal Culture and the European Human Rights Culture of the European Court of Human Rights and the European Court of Justice through Interviews // *Rechtsgeschichte*. 2021. № 29. P. 175–186. doi: [10.12946/rg29/175-186](https://doi.org/10.12946/rg29/175-186)
15. Dedek H. Out of Site: Transnational Legal Culture(s) (Book Chapter) // *The Oxford Handbook of Transnational Law* / ed. by P. Zumbansen. Oxford University Press, 2021. P. 89–112. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3678046
16. Hodgson J. The Challenge of Universal Norms: Securing Effective Defence Rights Across Different Jurisdictions and Legal Cultures // *Journal of Law and Society*. 2019. № 46. P. 95–114. doi: [10.1111/jols.12185](https://doi.org/10.1111/jols.12185)
17. Cohen M. The Continuing Impact of French Legal Culture on the International Court of Justice // *Comparative International Law* / ed. by Anthea Roberts [et al.]. Oxford University Press, 2018. P. 181–206. doi: [10.1093/oso/9780190697570.003.0009](https://doi.org/10.1093/oso/9780190697570.003.0009)
18. Wolkmer A. C., Ferrazzo D. A Decolonial approach on democracy and legal culture in modernity // *Revista Brasileira de Estudos Políticos*. 2020. № 120. P. 55–105. doi: [10.9732/p.0034-7191.2020v120p055](https://doi.org/10.9732/p.0034-7191.2020v120p055)
19. Павленко И. В. Детская порнография в сети Интернет: состояние проблемы и мировые тенденции противодействия ей // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15, № 1. С. 133–143. doi: [10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).133-143](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143) EDN: [UYWYJR](#)
20. Hunter T. S., Sunde J., Nordtveit E. *The Character of Petroleum Licences: A Legal Culture Analysis*. Edward Elgar Publishing Limited, 2020. 288 p.
21. Faundes J. J., Le Bonniec F. Comparing the Legal Culture from the Perspective of the Right to Cultural Identity in Brazil and Chile // *Brazilian Journal of International Law*. 2020. № 17. P. 145–179. doi: [10.5102/rdi.v17i1.6555](https://doi.org/10.5102/rdi.v17i1.6555)
22. Черехович М. М. Развитие системы наказаний без изоляции от общества в российском уголовном праве до 1917 г. // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 8 (105). С. 41–46. doi: [10.17803/1994-1471.2019.105.8.041-046](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.105.8.041-046) EDN: [LJZMXQ](#)
23. Rogan M. Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pretrial Detention: the Case of Ireland // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022. № 28. P. 425–433. doi: [10.1007/s10610-022-09515-9](https://doi.org/10.1007/s10610-022-09515-9)
24. Bocharov T. Is There a “Compensation Culture” in Contemporary Russia? The Role of Liability Insurance, Non-pecuniary Damages, and Legal Profession in Personal Injury Litigation // *Onati Socio-Legal Series*. 2021. № 11. P. 556–588. doi: [10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1141](https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1141)
25. Верещагина А. В. Язык уголовного судопроизводства: некоторые результаты обобщения судебной практики // *Государство и право*. 2018. № 8. С. 45–56. doi: [10.31857/S013207690000790-1](https://doi.org/10.31857/S013207690000790-1) EDN: [VJUMAC](#)
26. Díaz Gude A., Navarro Papic I. Restorative Justice and Legal Culture // *Criminology and Criminal Justice*. 2020. № 20. P. 57–75. doi: [10.1177/1748895818796549](https://doi.org/10.1177/1748895818796549)
27. Зимин В. В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 150–159. doi: [10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159) EDN: [EPADSQ](#)
28. Орлов Д. В. Интеграционный процесс и отдельные аспекты влияния нейронауки на развитие и формирование современного уголовного права // *Право и политика*. 2017. № 2. С. 60–66. EDN: [YGWGDY](#)
29. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2013. 62 с.
30. Андрианов В. К. Влияние различных школ уголовно-правовой мысли на развитие закономерностей уголовного права // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. № 4. С. 173–177. EDN: [XDRDOW](#)

31. Кузнецов Р. Д. Развитие норм отечественного уголовного права об ответственности за преступления экстремистской направленности: исторический анализ // *ExLegis: правовые исследования*. 2020. № 2. С. 27–31. EDN: [NFSCNI](#)
32. Демин И. Н. Сравнительный анализ уголовно-правовой конструкции «субъективная сторона» в странах СНГ // *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция*. 2017. № 10–1. С. 17–19. EDN: [YOCZMZ](#)
33. Kruessmann T. Criminal Law and Human Rights – Some Examples from the Emergence of European Criminal Law // *Russian Journal of Criminology*. 2020. Vol 14, № 5. P. 745–757. doi: [10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).745-757](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).745-757)
34. Шмагина Я. А. Проникновение сомнительной терминологии в российское законодательство и возможное негативное влияние этого процесса на гражданское общество и правовую систему в целом // *Научная дискуссия: вопросы юриспруденции*. 2016. № 12 (51). С. 38–49. EDN: [XDZMMT](#)
35. Saar J. Tackling Corruption in Western and Russian Legal Cultures // *Trames*. 2019. № 23. P. 455–470. doi: [10.3176/tr.2019.4.05](https://doi.org/10.3176/tr.2019.4.05)
36. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 / под ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. М. : Инфра-М, 2021. 522 с. EDN: [EDOLNL](#)
37. Лобанов С. А., Ростунова О. С. Взаимосвязь международного и национального уголовного права в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности // *Московский журнал международного права*. 2021. № 4. С. 108–122. doi: [10.24833/0869-0049-2021-4-108-122](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122) EDN: [ZWHVMI](#)
38. Черепанова Е. В. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // *Журнал российского права*. 2010. № 10 (166). С. 139–145. EDN: [NDLVRT](#)
39. Мавлонов А. Х., Мезяев А. Б. Проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // *Московский журнал международного права*. 1998. № 51. С. 134–139. doi: [10.24833/0869-0049-1998-5-134-139](https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-5-134-139)
40. Степанов П. П. К вопросу о понятии военных преступлений в международном уголовном праве и национальном законодательстве // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2016. № 6. С. 132–143. EDN: [YKGINN](#)
41. Григорьев О. В. Артикул воинский и «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10, № 1. С. 28–39. doi: [10.17748/2075-9908-2018-10-1-28-39](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-1-28-39) EDN: [XOVJVZ](#)
42. Коренная А. А. Теоретические основы определения объекта принуждения к совершению сделки или отказу в ее совершении (ст. 179 Уголовного кодекса РФ) // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2022. № 2. С. 24–29. doi: [10.14258/ralj\(2022\)2.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)2.5) EDN: [CMBAVY](#)
43. Лукомская А. С. Развитие уголовно-процессуального понятия «потерпевший» в законодательстве России в период до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2017. Т. 27, № 5. С. 132–139. EDN: [ZXFTUR](#)

References

1. Subbotina E.N. *Mekhanizm implementatsii mezhdunarodnogo ugovnogo prava v zarubezhnykh stranakh i v Rossii: monografiya = Mechanism for Implementing International Criminal Law in Foreign Countries and in Russia: Monograph*. Moscow: Yurlitinform, 2012:213. (In Russ.)
2. Nekrasov V.N. Issues of Implementing Norms of International Criminal Law in the Criminal Code of the Russian Federation. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2012;(2):109–121. (In Russ.)
3. Chernichenko S.V. *Mezhdunarodnoe pravo: sovremennye teoreticheskie problemy = Issues of Russian and International Law*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993:295. (In Russ.)
4. Avdeev R.V. Implementation of International Law in Russian Criminal Law. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2014;(7): 127–133. (In Russ.)
5. Safarov N.A., Mehtiyeva K.N., Safarov F.N. International Crimes and the Netherland's Law: Strategy of Implementation. *Moscow Journal of International Law*. 2018;(2):6–22. doi: [10.24833/0869-0049-2018-2-6-22](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-2-6-22)
6. Karimov M.M. Modern Approaches to Defining the Concept of “Implementation of International Legal Norms”. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta = Bulletin of Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2008;8(2):159–162. (In Russ.)

7. Kuznetsova N.F. On Legislative Technology in Criminal Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11, Law*. 2004;(4):41–53. (In Russ.)
8. Suntsov A.E., Truntsevskiy Yu.V. Theoretical problems of Implementing Norms of International Criminal Law in Russia. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*. 1997;(2):92–99. (In Russ.). doi: [10.24833/0869-0049-1997-2-92-99](https://doi.org/10.24833/0869-0049-1997-2-92-99)
9. Vdovin V.A. *Implementation of International Legal Norms in Criminal Law of the Russian Federation (Issues of the General Part)*. PhD dissertation. Ulyanovsk, 2006:234. (In Russ.)
10. Subbotina E.N. *Implementing Norms of International Criminal Law in Criminal Legislation of Foreign Countries and Russia*. PhD dissertation. Moscow, 2013:248. (In Russ.)
11. Spiridonov A.P., Mikhaylova O.G., Tarayko V.I., Tretyakov I.L. Techniques for Implementing Norms of International Criminal Law into Russian Criminal Law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2005;(3–2):150–158. (In Russ.)
12. Melnichenko A.B. Issues of Implementing Norms of International Criminal Law in National Legislation. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2008;(3):30–34. (In Russ.)
13. Kapinus O.S. *Aktualnye problemy ugolovnogo prava = Current Problems of Criminal Law*. Moscow: Prospekt, 2017:488. (In Russ.)
14. Lorenz N.-L. A.A Summary: Portraying the Legal Culture and the European Human Rights Culture of the European Court of Human Rights and the European Court of Justice through Interviews. *Rechtsgeschichte*. 2021;(29):175–186. doi: [10.12946/rg29/175-186](https://doi.org/10.12946/rg29/175-186)
15. Dedek H. Out of Site: Transnational Legal Culture(s) (Book Chapter). *The Oxford Handbook of Transnational Law*. Oxford University Press, 2021:89–112. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3678046
16. Hodgson J. The Challenge of Universal Norms: Securing Effective Defence Rights Across Different Jurisdictions and Legal Cultures. *Journal of Law and Society*. 2019;(46):95–114. doi: [10.1111/jols.12185](https://doi.org/10.1111/jols.12185)
17. Cohen M. The Continuing Impact of French Legal Culture on the International Court of Justice. *Comparative International Law*. Oxford University Press, 2018:181–206. doi: [10.1093/oso/9780190697570.003.0009](https://doi.org/10.1093/oso/9780190697570.003.0009)
18. Wolkmer A.C., Ferrazzo D.A Decolonial approach on democracy and legal culture in modernity. *Revista Brasileira de Estudos Politicos*. 2020;(120):55–105. doi: [10.9732/p.0034-7191.2020v120p055](https://doi.org/10.9732/p.0034-7191.2020v120p055)
19. Pavlenko I.V. Child Pornography on the Internet: State of the Problem and Global Trends in Countering It. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2021;15(1):133–143. (In Russ.). doi: [10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).133-143](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143)
20. Hunter T.S., Sunde J., Nordtveit E. *The Character of Petroleum Licences: A Legal Culture Analysis*. Edward Elgar Publishing Limited, 2020:288.
21. Faundes J.J., Le Bonniec F. Comparing the Legal Culture from the Perspective of the Right to Cultural Identity in Brazil and Chile. *Brazilian Journal of International Law*. 2020;(17):145–179. doi: [10.5102/rdi.v17i1.6555](https://doi.org/10.5102/rdi.v17i1.6555)
22. Cherekhovich M.M. Development of the Punishment System without Isolation from Society in Russian Criminal Law before 1917. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Current Problems of Russian Law*. 2019;(8):41–46. (In Russ.). doi: [10.17803/1994-1471.2019.105.8.041-046](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.105.8.041-046)
23. Rogan M. Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pre-trial Detention: the Case of Ireland. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022;(28):425–433. doi: [10.1007/s10610-022-09515-9](https://doi.org/10.1007/s10610-022-09515-9)
24. Bocharov T. Is There a “Compensation Culture” in Contemporary Russia? The Role of Liability Insurance, Non-pecuniary Damages, and Legal Profession in Personal Injury Litigation. *Onati Socio-Legal Series*. 2021;(11):556–588. doi: [10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1141](https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1141)
25. Vereshchagina A.V. Language of Criminal Proceedings: Some Results of Generalizing Judicial Practice. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*. 2018;(8):45–56. (In Russ.). doi: [10.31857/S013207690000790-1](https://doi.org/10.31857/S013207690000790-1)
26. Díaz Gude A., Navarro Papic I. Restorative Justice and Legal Culture. *Criminology and Criminal Justice*. 2020;(20):57–75. doi: [10.1177/1748895818796549](https://doi.org/10.1177/1748895818796549)
27. Zimin V.V. Implementing International Anti-Corruption Standards Relating to Criminal Jurisdiction into Russian Legislation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Current Problems of Russian Law*. 2022;17(3):150–159. (In Russ.). doi: [10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159)
28. Orlov D.V. Integration Process and Certain Aspects of Neuroscience Influence on the Development and Formation of Modern Criminal Law. *Pravo i politika = Law and Policy*. 2017;(2):60–66. (In Russ.)
29. Zhuk M.S. *Institutions of Russian Criminal Law: Concept, System and Development Prospects*. PhD abstract. Krasnodar, 2013:62. (In Russ.)

30. Andrianov V.K. Influence of Various Criminal Law Schools on the Development of Patterns of Criminal Law. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve = Gaps in Russian Legislation*. 2019;(4):173–177. (In Russ.)
31. Kuznetsov R.D. Developing Norms of Domestic Criminal Law on Liability for Extremist Crimes: Historical Analysis. *ExLegis: pravovye issledovaniya = ExLegis: Legal Studies*. 2020;(2):27–31. (In Russ.)
32. Demin I.N. Comparative Analysis of the Criminal Legal Framework “Subjective Side” in the CIS countries. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskiy universitet. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Central Russian University Educational Consortium. Series: Law*. 2017;(10–1):17–19. (In Russ.)
33. Kruessmann T. Criminal Law and Human Rights – Some Examples from the Emergence of European Criminal Law. *Russian Journal of Criminology*. 2020;14(5):745–757. doi: [10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).745-757](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).745-757)
34. Shmagina Ya. A. Penetration of Dubious Terminology into Russian Legislation and Possible Negative Impact of This Process on Civil Society and Legal System as a Whole. *Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudentsii = Scientific Discussion: Legal Issues*. 2016;(12):38–49. (In Russ.)
35. Saar J. Tackling Corruption in Western and Russian Legal Cultures. *Trames*. 2019;(23):455–470. doi: [10.3176/tr.2019.4.05](https://doi.org/10.3176/tr.2019.4.05)
36. Khabrieva T.Ya., Kurbanov R.A. (eds.). *Pravovye osnovy protivodeystviya korruptsii: mezhdunarodnye i natsionalnye standarty i initsiativy: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1 = Legal Framework for Combating Corruption: International and National Standards and Initiatives: Textbook: In 2 Volumes. Vol. 1*. Moscow: Infra-M, 2021:522. (In Russ.)
37. Lobanov S.A., Rostunova O.S. Interrelation of International and National Criminal Law in the Sphere of Ensuring Safety of Energy Activity. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*. 2021;(4):108–122. (In Russ.). doi: [10.24833/0869-0049-2021-4-108-122](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122)
38. Cherepanova E.V. Criminal Law during the Great Patriotic War: Main Development Trends. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(10):139–145. (In Russ.)
39. Mavlonov A.Kh., Mezyaev A.B. Problems of Implementing International Criminal Law in Russia. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*. 1998;(51):134–139. (In Russ.). doi: [10.24833/0869-0049-1998-5-134-139](https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-5-134-139)
40. Stepanov P.P. On the Concept of War Crimes in International Criminal Law and National Legislation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11, Law*. 2016;(6):132–143. (In Russ.)
41. Grigorev O.V. Military Order and “Brief Depiction of Processes and Litigation” as the Basis for Administration of Justice in the Russian Army in the 18th Century. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Thought*. 2018;10(1):28–39. (In Russ.). doi: [10.17748/2075-9908-2018-10-1-28-39](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-1-28-39)
42. Korennaya A.A. Theoretical Foundations for Determining the Object of Coercion to Commit a Trans-action or Refuse to Commit It (Article 179 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*. 2022;(2):24–29. (In Russ.). doi: [10.14258/ralj\(2022\)2.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)2.5)
43. Lukomskaya A.S. Development of the Criminal Procedural Concept of “Victim” in Russian Legislation in the Period before Adopting the Charter of Criminal Proceedings of 1864. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i parvo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economy and Law*. 2017;27(5):132–139. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Д. А. Липинский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права, главный научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

А. В. Малько – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, главный научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

А. А. Иванов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, старший научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Р. С. Маркунин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, старший научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

D.A. Lipinsky – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Chief Researcher, Togliatti State University, 14 Belorusskaya street, Togliatti, 445020.

A.V. Malko – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Chief Researcher, Togliatti State University, 14 Belorusskaya street, Togliatti, 445020

A.A. Ivanov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Senior Researcher, Togliatti State University, 14 Belorusskaya street, Togliatti, 445020.

R.S. Markunin – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Senior Researcher, Togliatti State University, 14 Belorusskaya street, Togliatti, 445020.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 04.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.09.2023

Принята к публикации / Accepted 30.09.2023